

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

Научная статья / Research article

Страны БРИКС в международной климатической политике

Ю.Ю. Ковалев, О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ климатических политик стран БРИКС на глобальном и национальном уровнях. Рассмотрены позиции данных государств в рамках проводимых под эгидой ООН с 1992 г. международных климатических конференций (Конференций Сторон), а также на саммитах государств — членов группировки в 2011—2020 гг. Охарактеризованы стратегии и результаты осуществляемой в этих странах национальной климатической политики. Авторы использовали методы структурного и сравнительного анализа и контент-анализа, отмечая, что сегодня странам БРИКС отводится ключевая роль в стабилизации климата нашей планеты. Без комплексной климатической трансформации обществ стран — участниц данной интеграционной группировки достижение главной цели Парижского соглашения (удержание роста глобальных средних температур воздуха к 2100 г. на уровне 1,5—2 °С) неосуществимо. Страны БРИКС являются мировыми лидерами по эмиссиям парниковых газов (более 40 % мировых выбросов CO₂). В своей международной климатической позиции группировка придерживается принципа «общей, но дифференцированной ответственности». Тем самым страны БРИКС выступают за устойчивый экономический рост посредством внедрения новых, экологических технологий и против ограничительных мер, препятствующих их экономическому развитию. В Китае, Индии, Бразилии и ЮАР осуществляются многочисленные проекты экологической трансформации, направленные на декарбонизацию экономики этих стран и достижение углеродной нейтральности. Особенно глубокие изменения заметны в энергетическом секторе перечисленных государств. Вместе с тем высокая зависимость экономики России от добычи и экспорта топливных ресурсов осложняет процессы экологической трансформации. В стране доминирует негативный нарратив в отношении климатических преобразований, в котором необходимая экологическая модернизация экономики страны видится как угроза для ключевых секторов экономики (нефтяного и газового). Реализация международных договоренностей по снижению углеродоемкости, а также создание условий в стране для перехода к климатически нейтральным технологиям не только способствовали бы борьбе с глобальным изменением климата, но и стали бы мощным стимулом для модернизации экономики России, повышения ее конкурентоспособности и инновационности.

Ключевые слова: глобальное изменение климата, климатическая дипломатия, страны БРИКС, экологическая модернизация

Для цитирования: Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64—78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

BRICS Countries in International Climate Policy

Yuri Yu. Kovalev, Olga S. Porshneva

Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of the BRICS countries' climate policies at the global and national levels. The authors consider the positions of these states within the framework of both international climate

© Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

conferences (Conference of the Parties) held under the auspices of the UN since 1992, and the summits of BRICS member states in the years 2011—2020. The paper covers strategies and results of national climate policies implemented in these countries. Using structural, comparative, and content analysis methods, the authors emphasize that BRICS countries play a key role in stabilizing the climate of our planet today. It is impossible to achieve the main aim of the Paris Agreement without a comprehensive transformation of environmental practices in these societies. BRICS adheres to the principle of “common but differentiated responsibilities” in its position towards international climate policy; the BRICS countries stand for sustainable economic growth through the introduction of new environmental technologies, and against restrictive measures that impede their economic development. At the same time, the Russian economy’s dependence on the extraction and export of fuel resources complicates environmental transformation. Russia is dominated by a negative narrative of climate change, where the urgent ecological modernization of the economy is seen as a threat to key sectors (oil and gas) of the economy. The implementation of international agreements to reduce the carbon intensity of the Russian economy, the creation of conditions for the transition to climate-neutral technologies, would contribute not only to the fight against global climate change, but would become a powerful incentive for the modernization of the economy, accelerating innovation and increasing its competitiveness.

Key words: global climate change, climate diplomacy, BRICS countries, environmental modernization

For citation: Kovalev, Yu.Yu., & Porshneva, O.S. (2021). BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 64—78. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

Введение

Рост концентрации парниковых газов в атмосфере Земли является главным фактором дестабилизации климата нашей планеты. Среди мировых лидеров по эмиссиям парниковых газов значимое место отводится государствам БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). В 2018 г. эти страны произвели 43 % всех выбросов антропогенного CO₂ (16,6 млрд т), что практически в два раза больше, чем у стран «Большой семерки» (8,8 млрд т) и в пять раз больше, чем у стран ЕС¹.

К началу третьего десятилетия XXI в. БРИКС превратился в глобального экологического «левиафана», от «поведения» которого зависит жизнь целой планеты. Стремительное экономическое развитие стран группировки с начала 1990-х гг. (за исключением России) было неразрывно связано с ростом потребления природных ресурсов, усилением воздействия на окружающую среду. В 1991—2017 гг. потребление энергетических и материальных ресурсов этих государств выросло в абсолютных показателях с 14,4 до 49 млрд т².

¹ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

² Domestic Extraction of World in 1970—2017 // The Material Flow Analysis Portal. 2020. URL: <http://www.materialflows.net/visualisation-centre/data-visualisations/> (accessed: 07.01.2020).

Использование ресурсов Китаем увеличилось в 6 раз, Индией — в 2,5 раза, Бразилией — в 2 раза. Одновременно эмиссия CO₂ выросла в этот период в Китае на 332 %, в Индии — на 300 %, Бразилии — на 122 % и ЮАР — на 60 % (в России она сократилась на 33 %)³.

С одной стороны, дальнейший экономический рост стран БРИКС, необходимый для достижения целей устойчивого развития к 2030 г., еще больше увеличит выбросы углерода. И, как следствие, без комплексного и глубокого привлечения группировки к решению климатической проблемы стабилизация глобальной геосистемы невозможна.

С другой стороны, последние тенденции показывают, что государства БРИКС имеют все шансы стать международными лидерами в области климатической трансформации. В 2015 г. страны группировки подписали Парижское соглашение. С этого момента их позиции в международной климатической дипломатии отходят от принципа «отказ от обязательств» по сокращению выбросов парниковых газов к принципу «общей, но дифференцированной ответственности» [Jahrmark 2016: 393].

Выход США из Парижского соглашения по климату в ноябре 2020 г. и практически

³ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

одновременное принятие китайской стороной обязательств по достижению к 2060 г. углеродной нейтральности ярко демонстрируют существенные сдвиги в сфере международной климатической политики⁴. Китай превращается в наиболее весомого мирового игрока и, возможно, в лидирующего глобального драйвера в борьбе с изменением климата Земли [Ковалев 2018].

В других странах БРИКС (прежде всего в Индии, Бразилии и ЮАР) «зеленая экономика» также развивается быстрыми темпами. Индия занимает одно из лидирующих мест в мире по темпам строительства возобновляемых источников энергии (ВИЭ). России в этих процессах отводится, к сожалению, роль «аутсайдера» группировки БРИКС. В связи с этим представляются чрезвычайно актуальными изучение траектории эволюции международной климатической политики как отдельных стран БРИКС, так и группировки в целом, анализ позиций стран на международных переговорах в рамках Конференций Сторон (КС), рассмотрение национальных программ, политических стратегий по противодействию глобальному изменению климата и достижений в декарбонизации их экономик.

Основными источниками данного исследования послужили итоговые документы наиболее значимых международных климатических конференций (Конференций Сторон), аналитические работы экспертов по климатической дипломатии, декларации саммитов БРИКС, а также национальные программы отдельных стран БРИКС по защите климата и декарбонизации экономики.

Страны БРИКС играли и играют важную и активную роль в формировании международной климатической политики. Однако их позиция оценивалась вплоть до 2015 г. как «сдерживающая» решительные действия в этой области [Stahl 2020: 129]. Усиление значения БРИКС в мировой климатической политике отражено в ряде зарубежных научных публикаций [Leal-Arcas 2013; Brütsch, Para

2013; Gupta 2014; Gladun, Ashan 2016; Downie, Williams 2018].

Комплексное изучение климатической политики стран БРИКС на глобальном, региональном (в рамках группировки) и национальном уровнях определяет новизну и оригинальность представленного исследования.

Методология исследования

Методологическую основу данной статьи образует ретроспективный структурно-аналитический подход. Анализ позиций как отдельных стран БРИКС, так и коалиций (BASIC (Бразилия, ЮАР, Индия, Китай) БРИКС) на международных переговорах по противодействию глобальному изменению климата, отраженный в итоговых документах конференций, а также в декларациях саммитов БРИКС, национальных климатических стратегиях и программах по экологической модернизации Индии, Китая, Бразилии, ЮАР и России позволяет определить направление вектора внешней и внутренней климатической политики, оценить вклад данных стран в мероприятия по спасению климата нашей планеты. Рассмотрение позиций стран БРИКС на конференциях ООН по устойчивому развитию и на саммитах «Группы 20» не входило в цели данного исследования.

Также для оценки динамики климатического дискурса внутри группировки БРИКС авторами использовался метод контент-анализа тем, озвученных на саммитах стран БРИКС и отраженных в их итоговых декларациях, который позволяет выявить приоритетные направления внешней и внутренней политики стран, актуальность определенных политических полей.

Исходя из этого, прежде всего учитывались:

- 1) место темы глобального изменения климата в повестке дня саммитов в период 2011—2020 гг.;
- 2) зависимость представленной на саммите «климатической» темы от страны — председателя саммита;
- 3) степень реализации заявленных в декларациях саммитов мероприятий по борьбе с глобальным изменением климата.

Методологически данное исследование рассматривается как продолжение и расши-

⁴ Глава ООН призвал добиваться полной декарбонизации мировой экономики // Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390502?utm_source=UN+News+-+Russian&utm_campaign (дата обращения: 19.06.2020).

рение научных изысканий российских ученых из Центра исследований международных институтов РАНХиГС [Ларионова 2015; 2016; 2018; Сафонкина 2017; 2018; Попова 2018]. Анализ дискурса повестки саммитов БРИКС, проведенный данными исследователями, позволяет лучше понять приоритетные направления внешней политики председательствующего на саммите государства. Кроме того, осуществляемая реальная экологическая модернизация хозяйств отдельных стран группировки служит доказательством негословности и серьезности намерений их климатической политики.

Позиции стран БРИКС в международной климатической дипломатии

Становление международной климатической политики неразрывно связано с политизацией научного дискурса о глобальном изменении климата. В 1970—1990 гг. происходит становление международной экологической и климатической политики. В это время научная коммуникация по изменению климата превращается в самостоятельную область международной политики. Решающую роль в этом сыграли Всемирная метеорологическая организация и Программа ООН по окружающей среде и развитию. Именно благодаря им в 1988 г. в г. Торонто (Канада) состоялась первая международная конференция по изменению климата Земли [Otto 2017: 266]. Делегаты конференции (300 представителей из 40 стран) приняли обязательства по сокращению выбросов парниковых газов к 2005 г. (так называемые *Toronto Goals*), тем самым возведя научную проблему в ранг международной политики [Handbuch Globale Klimapolitik 2017: 164].

По инициативе конференции при ООН в том же году была создана межправительственная группа экспертов по изменению климата. Первый доклад данной группы вышел в 1990 г. Его содержание, подчеркивающее наличие проблемы глобального изменения климата как планетарной угрозы, стимулировало подготовку к заключению международного договора по стабилизации климата в структурах ООН.

В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция по изменению климата (United Nations Framework Convention on Climate Change, UNFCCC), которую подписали более 196 государств⁵. В документе отмечается нагревание атмосферы как глобальная проблема человечества. В ст. 7 данной Конвенции также отмечено учреждение новой формы сотрудничества стран в области защиты климата — Конференции Сторон (*Conference of the Parties*), или климатические конференции (КС)⁶.

В 1995 г. в Берлине состоялась первая климатическая конференция, а к 1 января 2020 г. в мире было проведено 25 подобных мероприятий с практически постоянным ростом числа делегируемых странами представителей. На конференции в Мадриде в декабре 2019 г. число участников превысило 25 тыс. человек⁷.

Конференции Сторон стали основной глобальной платформой формирования и развития международной климатической политики. На них были разработаны и заключены основные международные договоренности, созданы регулирующие инструменты, определяющие современный характер глобального климатического режима: Киотский протокол (1997 г.)⁸, Дохийская поправка (2012 г.)⁹ и Парижское соглашение (2015 г.)¹⁰.

⁵ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/climate.pdf (дата обращения: 26.07.2020).

⁶ Там же.

⁷ Участники конференции по климату в Мадриде сами показывают пример экологической ответственности // Новости ООН. 08.12.2019. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1368701> (дата обращения: 12.01.2020).

⁸ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 11.12.1997. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 02.12.2020).

⁹ The Doha Amendment // The United Nations. 2020. URL: <https://unfccc.int/process/the-kyoto-protocol/the-doha-amendment> (accessed: 27.07.2020).

¹⁰ Парижское соглашение об изменении климата — итоговый документ 21-й Конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКООНИК) // ООН. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

Таблица 1

Основные группировки стран в международной климатической дипломатии

Группировка стран	Страны
Страны из приложения 1 к Рамочной конвенции по изменению климата (РКиК)	Все индустриальные страны и страны Восточной Европы с переходной экономикой
Страны из приложения 2 к РКиК	Исключительно страны ОЭСР
Страны, не вошедшие в приложение	Все развивающиеся страны
Группа африканских государств	53 страны Африки
Наименее развитые страны мира	50 государств
Группа 77 и Китай	143 государства Азии, Латинской Америки, Африки и Океании (в том числе Индия, Бразилия, ЮАР)
JUSSCANNZ	По начальным буквам входящих в группу стран: Япония, США, Швейцария, Канада, Австралия, Норвегия и Новая Зеландия
Зонтичная группа	JUSSCANNZ плюс Украина и Россия
АОГ	Ассоциация малых островных государств, 43 страны, некоторые из них члены Группы 77
Страны ОПЕК	Страны — экспортеры нефти, 12 государств
Страны BASIC	Бразилия, Индия, ЮАР и Китай

Table 1

Major Groupings of Countries in International Climate Diplomacy

Country grouping	Countries
Countries from Annex 1 to the Framework Convention on Climate Change (UN FCCC)	All industrialized and emerging economies of Eastern Europe
Countries of Annex 2 to the UN FCCC	Only OECD countries
Countries not included in Annex	All developing countries
African states	53 African countries
Least developed countries in the world	50 states
Group 77 and China	143 states of Asia, Latin America, Africa and Oceania (including India, Brazil, South Africa)
JUSSCANNZ	By initial letters of the names of countries included in grouping: Japan, USA, Switzerland, Canada, Australia, Norway and New Zealand
Umbrella group	JUSSCANNZ plus Ukraine and Russia
AOSIS	Association of Small Island States, 43 countries, some of them are members of 77 Group
OPEC	Oil exporting countries, 12 states
BASIC	Brazil, India, South Africa and China

Источник / Source: Reimer N. Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie. Oecom Verlag. München, 2015. P. 188.

Разнообразие стран по их географическому положению (определяющему уязвимость перед лицом климатических изменений), уровню социально-экономического развития и структуре хозяйства стали предпосылками к формированию политических групп стран с общими интересами и целями в переговорном процессе.

Современная архитектура международной климатической дипломатии представлена в табл. 1, в которой главный «водораздел» проходит по линии развитые и развивающиеся страны, а также между авангардом (ЕС и Ассоциацией островных государств (АОГ))

и приверженцами так называемой «слабой» политики (Зонтичная группа¹¹, ОПЕК).

До 2011 г. страны БРИКС не имели общих позиций в вопросах глобальной климатической политики. В начале переговорного

¹¹ Зонтичная группа (The Umbrella Group) — это коалиция Сторон, сформированная после принятия Киотского протокола. В состав группы входят Австралия, Беларусь, Канада, Исландия, Израиль, Япония, Новая Зеландия, Казахстан, Норвегия, Российская Федерация, Украина и США. Party Groupings // United Nations Climate Change. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/parties-non-party-stakeholders/parties/party-groupings> (accessed: 04.02.2020).

процесса в рамках Конференции Сторон (КС) они находились в различных группировках государств, имеющих общие интересы. Согласно приложению Рамочной конвенции, Россия входила в группу стран, обязующихся сократить выбросы парниковых газов до 2000 г. Бразилия, Индия, Китай и ЮАР, напротив, вплоть до 2015 г. не были связаны никакими международными обязательствами в этой области. Исторические факторы, структура экономики, национальные, социальные и культурные особенности, а также низкие показатели ВВП на душу населения, индекс человеческого развития (Human Development Index (HDI)), огромное отставание от Запада в социальной сфере нашли свое прямое отражение в этой позиции.

До 2011 г. особенно Индия и Китай категорически отказывались принимать на себя какие-либо обязательства по ограничению выбросов [Otto 2017: 282]. Кроме того, они настаивали на технологической и финансовой помощи со стороны развитых государств. Именно благодаря настойчивости Китая и Индии на Конференции Сторон в Копенгагене (2009 г.) было решено создать Глобальный зеленый фонд для экологической модернизации и климатической адаптации менее развитых стран.

Россия, как страна с высокой зависимостью экономики от добычи и экспорта углеводородного сырья, придерживалась (и придерживается) климатической политики, которая защищает ее нефтегазовый комплекс. Интересы России совпадали с целями стран ОПЕК (1-я Конференция Сторон в 1995 г.), а в дальнейшем — со странами JUSSCANZ, с которыми российская сторона образует в переговорном процессе так называемую «зонтичную группу» [Reimer 2015: 66]. Данная подгруппа характеризуется скептической позицией в отношении причин глобального потепления и результативности тех или иных инструментов в борьбе с ним.

Россия — участник Конвенции ООН 1992 г., принявший на себя обязательства по инициированию национальных мероприятий по стабилизации климата. Внутренний экономический кризис в 1990-х гг. предопределил

достижение климатических целей российской стороной в 2000 г. В 2004 г. страна ратифицировала Киотский протокол, занимала активную позицию на всех Конференциях Сторон с 1995 г. На протяжении 1995—2015 гг. ее позицию в переговорном процессе можно кратко суммировать как «обязательства для всех и во всем»¹². На 12-й Конференции Сторон в Найроби (2006 г.) Россия настаивала на принятии добровольных обязательств всеми развивающимися странами [Otto 2017: 276].

В 2015 г. российская сторона подписала Парижское соглашение и в октябре 2019 г. официально его утвердила. С лета 2018 г. правительство Российской Федерации подготавливает национальную программу действий (национальную стратегию) по борьбе с глобальным изменением климата.

Китай, Индия, Бразилия и ЮАР — страны, не вошедшие в приложение Рамочной конвенции по изменению климата 1992 г. и тем самым освобожденные от обязательств по сокращению выбросов, поскольку конвенция признавала право этих стран на развитие своей экономики. Борьба с бедностью и повышение роста благосостояния населения — главные приоритеты национальной политики этой группы стран. Соответственно, их общая позиция вплоть до Конференции Сторон (17-я Конференция Сторон) в Дурбане в 2011 г. заключалась в отстаивании права на экономический рост и увеличение эмиссии парниковых газов [Otto 2017: 282].

Кроме того, Индия и Китай, как лидеры Группы 77, настаивали на признании развитыми государствами их исторической ответственности за изменение климата Земли [Otto 2017: 279]. Индийские и китайские представители требовали более высоких обязательств по сокращению для более развитых экономик эмиссии углекислого газа, а также ежегодных финансовых трансферов для адаптации уязвимых обществ развивающихся стран к изменяющимся климатическим условиям.

С 2011 г. Индия и Китай согласились обсуждать обязательства по ограничениям их

¹² Таким образом, все страны мира должны принять обязательства по сокращению выбросов парниковых газов во всех отраслях хозяйства.

выбросов на Конференциях Сторон, проходивших в Дохе (2012 г.), Варшаве (2013 г.) и Лиме (2014 г.) [Otto 2017: 282].

На конференции в Лиме страны BASIC признали провозглашенный принцип «общей, но дифференцированной ответственности» в стабилизации климата планеты [Gebauer 2017: 379], а уже в 2015 г. подписали Парижский договор и в 2016 г. его ратифицировали. Каждое из этих государств представило в ООН национальную климатическую стратегию.

Общие позиции стран БРИКС в вопросе глобального изменения климата и борьбы с ним впервые были озвучены на III Саммите стран БРИКС в Китае в 2011 г. [Русакова 2016: 88], когда в итоговом документе была подчеркнута воля стран БРИКС в содействии реализации Климатической конвенции ООН, а также наращивании сотрудничества между странами в целях адаптации экономик и обществ к изменению климата¹³. В 2012 г. в ст. 30 Заключительной декларации IV Саммита отмечается: «Страны БРИКС исполнены решимости играть свою роль в глобальной борьбе с изменением климата и внести вклад в общемировые усилия по противодействию изменению климата посредством устойчивого и инклюзивного роста, а не через введение ограничений на развитие»¹⁴.

Ориентация на дальнейший экономический рост посредством внедрения новых, экологических технологий становится с этого времени «стержнем» климатической политики этих стран.

На следующих саммитах стран БРИКС тема глобального изменения климата все больше входила в круг обсуждаемых главных политических проблем. Принятые на саммитах в Уфе (2015 г.), Гоа (2016 г.), Сямэни (2017 г.), Йоханнесбурге (2018 г.), Бразилиа (2019 г.) и Москве (2020 г.) декларации

расширяют единую позицию стран в области глобальной климатической политики за счет общих устремлений в рамках устойчивого развития, баланса социального, экономического и экологического роста, разработки «чистых» источников энергии и «зеленых» технологий¹⁵. Так, в декларации по итогам саммита стран БРИКС в Гоа тема устойчивого развития, изменения климата и борьбы с ним отражена в 11 статьях¹⁶.

В совместном заключительном документе IX Саммита 2017 г. в статье 16 подчеркивается приверженность «зеленому» развитию и переходу стран к низкоуглеродной экономике в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты. Страны БРИКС обязуются укреплять сотрудничество по борьбе с изменением климата и расширять «зеленое» финансирование¹⁷.

В 2019 г. на саммите в г. Бразилиа темы устойчивого развития, глобального изменения климата, защиты окружающей среды и биоразнообразия находят все больший отклик. В декларации XI Саммита позиции стран в этих областях представлены в начальных ст. 8—13¹⁸.

На последнем XII Саммите, проходившем под председательством России в ноябре 2020 г. в режиме онлайн, тема глобального изменения климата была передвинута на периферию повестки дня саммита. Лишь три статьи Декларации (ст. 80—82) затрагивают данные проблемы. Так, в ст. 82 говорится о приверженности стран БРИКС Парижскому соглашению, «включая принципы общей, но

¹⁵ Согласно авторскому анализу принятых странами БРИКС деклараций.

¹⁶ Подсчитано авторами: Декларация Гоа // Президент России. 16.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁷ Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 года // D-Russia. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁸ Декларация Бразилиа Одиннадцатого саммита БРИКС. Бразилиа, 14 ноября 2019 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 12.12.2020).

¹³ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) // Президент России. 14.04.2011. URL: <http://kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 18.01.2020).

¹⁴ Делийская декларация // Президент России. 29.03.2012. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 03.02.2020).

дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, с учетом различных национальных условий». В статье содержится призыв к развитым странам «активизировать предоставление развивающимся государствам финансовой и технологической поддержки, а также помощи в области наращивания потенциала в целях содействия в деле предотвращения изменения климата и адаптации к нему»¹⁹.

Таким образом, позиция стран БРИКС в международной климатической дипломатии характеризуется, с одной стороны, отстаиванием их права на «развитие» (дальнейший экономический рост и повышение эмиссий CO₂), с другой — пониманием необходимости экологической модернизации их хозяйств, усиления энерго- и ресурсоэффективности собственного производства, широкого внедрения «чистых», «зеленых» технологий, охраны окружающей среды. Это во многом определяет национальную климатическую политику этих стран, которая все больше отходит от доктрины «роста любой ценой» к политике «качественного роста», где экологические, социальные и экономические цели не противоречат друг другу, а создают комплексное единство.

Однако среди стран БРИКС существуют заметные различия в оценке значения климатической политики и «зеленых» технологий в развитии государств. На саммитах под председательством Китая, Индии и Бразилии эти темы занимают одно из приоритетных мест [Ларионова 2015: 130; Сафонкина 2018: 361]. Наоборот, под председательством России и ЮАР на саммитах стран БРИКС темы глобального изменения климата и «зеленой экономики» получили меньше внимания.

Национальные климатические стратегии стран БРИКС

Национальная климатическая политика стран БРИКС формируется на основе взаимодействия целого комплекса как внешних, так

и внутренних факторов. В инициировании локальных мероприятий по сокращению парниковых газов и адаптации обществ к климатическим изменениям значительную роль играет глобальный климатический режим (с 2015 г. — Парижское соглашение), который создает правовые рамки для формирования и реализации национальной политики в области климата. Сформированные на Конференциях Сторон финансовые механизмы стабилизации климата в системе отношений «Север — Юг» (CDM, REDD, Green Climate Fund)²⁰ дополнительно стимулируют формирование климатической политики в развивающихся странах, в том числе и в странах группировки.

Одновременно национальная климатическая политика стран БРИКС охватывает многочисленные переплетенные между собой внутренние социально-экономические, политические, демографические и экологические факторы. При этом в Индии, ЮАР, Бразилии многие социальные проблемы (нищета, голод, безработица, отсутствие жилья, санитарных условий) стоят особенно остро. И, как следствие, их ликвидация является приоритетом политики устойчивого развития этих стран, без которой их невозможно решить (отстаивание права на экономический рост этих стран особенно наглядно было продемонстрировано на 25-й Конференции Сторон в Мадриде в декабре 2019 г.²¹).

²⁰ CDM — Механизм чистого развития (МЧР) — механизм сотрудничества, созданный в рамках Киотского протокола, открывает потенциальные возможности для помощи развивающимся странам в обеспечении устойчивого развития за счет поддержки экологически благоприятных инвестиций правительств и бизнеса промышленно развитых стран; REDD — программа ООН, направленная на сокращение выбросов в результате обезлесения и деградации лесов; Green Climate Fund (зеленый климатический фонд) — это фонд, созданный в рамках РККИ ООН в качестве оперативного органа финансового механизма для оказания помощи развивающимся странам в адаптации и смягчении воздействий для противодействия изменению климата.

²¹ Результаты конференции в Мадриде: мелкими шагами, но все-таки движение вперед есть // Новости ООН. 23.12.2019. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2019/12/1369571> (дата обращения: 23.12.2019).

¹⁹ Московская декларация XII Саммита БРИКС 17 ноября 2020 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 20.11.2020).

Однако экономический рост служит причиной существенных внутренних экологических проблем, поэтому экологическая трансформация хозяйств этих стран для достижения климатических целей рассматривается их руководством как инструмент для решения этих национальных задач [Hein, Betz, Eucker, Hein, Holstenkamp, Neve 2017: 409].

Китай является мировым лидером по выбросам антропогенного углерода, в 2018 г. страна произвела 11,3 млрд тонн CO₂ (27,5 % мирового выброса), что практически на 9 млрд т больше по сравнению с 1990 г.²² Экономический рост стал главной причиной резкого ухудшения показателей чистоты воздуха, воды и почвы во многих регионах Китая. Прогрессирование заболеваний населения, связанных с плохой экологической обстановкой, вынуждало руководство к переосмыслению концепции экономического развития, что нашло свое отражение в пятилетних планах развития Китая [Su, Heshmati, Geng, Yu 2013]. В частности, в программе одиннадцатого пятилетнего плана (2006—2011 гг.) были обозначены задачи по устранению экологических проблем и сокращению потребления природных ресурсов, декларировались трансформация экономики Китая в направлении циклического хозяйства (замкнутой экономики) и создание энергетически эффективного, экологически сознательного общества²³.

В двенадцатом пятилетнем плане, принятом в 2011 г., слово «трансформация» получает уже конкретное смысловое наполнение: «Трансформация модуса хозяйственного развития должна акцентировать внимание на важности создания ресурсосажающего и природоохранного общества для экономии энергии, сокращения выбросов парниковых газов и противодействия глобальному изменению

климата. Мы должны развивать замкнутую циркулярную экономику и новые технологии декарбонизации»²⁴.

В тринадцатом пятилетнем плане (2016—2021 гг.) экологическая модернизация стала приоритетом среди семи главных направлений развития страны. Переход к «новой экономике» закреплен в государственных законодательных актах: Законе об экономике замкнутого цикла (Circular Economy Promotion Law, 2009)²⁵, Программе по эффективному использованию энергии (Energy Conservation Law, 2007)²⁶, Законе об экологическом производстве (Cleaner Production Promotion Law, 2003)²⁷, законах о пространственном планировании и природоохранных мероприятиях (Land Administration Law, 1999²⁸; Environmental Protection Law, 2015²⁹).

В 2015 г. Китай подписал Парижское соглашение и взял на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов: согласно данным обязательствам, пик выбросов CO₂ в стране будет достигнут в 2030 г., что составляет приблизительно 17,6 млрд т. После 2030 г.

²⁴ Delegation of the European Union in China: China's 12th Five-Year Plan 2011—2015 // China Direct. URL: https://cbi.typepad.com/china_direct/2011/05/chinas-twelfth-five-new-plan-the-full-english-version.html (accessed: 18.01.2020).

²⁵ Circular Economy Promotion Law. Order No. 16 of the President of the People's Republic of China. 29.08.2008. URL: <https://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/policy-database/CHINA%20Circular%20Economy%20Promotion%20Law%20%282008%29.pdf> (accessed: 25.02.2020).

²⁶ Law of the People's Republic of China on Conserving Energy // The National People's Congress of the People's Republic of China. 01.11.1997. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383579.htm (accessed: 25.02.2020).

²⁷ Cleaner Production Promotion Law // Ministry of Commerce. People's Republic of China. 19.03.2007. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/internationalpolicy/200703/20070304471061.shtml> (accessed: 25.02.2020).

²⁸ Land Administration Law of the People's Republic of China // China.org.cn. 14.02.2011. URL: http://www.china.org.cn/china/LegislationsForm2001-2010/2011-02/14/content_21917380.htm (accessed: 25.02.2020).

²⁹ Environmental Protection Law of the People's Republic of China // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207462.htm> (accessed: 19.02.2020).

²² Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

²³ The 11th Five-Year Plan: Targets, Paths and Policy Orientation // Government of China. URL: http://www.gov.cn/english/special/115y_index.htm (accessed: 12.01.2020).

предполагается уменьшение данного показателя [Gebauer 2017: 381].

Результаты реализации планов экологической трансформации хозяйства КНР не имеют на сегодняшний день аналогов в мире. Мощности производимой возобновляемой электроэнергии выросли в стране в период 1996—2019 гг. с 3 до 464 ГВт, что составило 32,2 % мировых мощностей ВИЭ. В 2019 г. Китай стал мировым лидером по производству солнечной электроэнергии (204 ГВт) и энергии ветра (236 ГВт). В том же году мощности китайской альтернативной возобновляемой энергетики в 1,2 раза превосходили аналогичные показатели всех стран ЕС, в 2,2 раза — США, в 5 раз — Индии и более чем 6-кратно — Японии³⁰.

Экологическая трансформация китайской энергетики идет параллельно с невиданными в мире темпами электромобилизации населения, развитием климат-нейтральных моделей проживания и производства. Одновременно Китай реализует широкомасштабную программу озеленения пустынных территорий страны (так называемая Китайская зеленая стена). В период 2013—2020 гг. правительство выделило 34,5 млрд долл. США на создание новых лесных массивов, а до 2050 г. на западе страны должны быть посажены леса по площади, сравнимой с территорией стран Западной Европы (более 400 тыс. кв. км)³¹.

Главный политический документ, определяющий национальную политику Индии в области защиты климата, был принят в 2008 г. (India's National Action Plan on Climate Change)³². В нем намечено 8 главных направлений, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию индийского общества к изменяющимся внешним условиям. Среди направлений

отмечаются развитие солнечной энергетики, повышение энергетической эффективности общества, улучшение устойчивости среды проживания человека, повышение эффективности использования воды, защита экосистемы Гималаев, новые лесопосадки, устойчивая сельскохозяйственная политика и создание фонда исследования по изменению климата³³.

Климатической трансформации значительное внимание уделяется в программах развития целого ряда отраслей. Согласно национальной стратегии развития «зеленой экономики» доля возобновляемой энергии к 2030 г. должна составить 40 %³⁴. Предполагается строительство «солнечных парков» (25 парков до 2022 г.), развитие ветровой электроэнергетики (60 ГВт), гидро- и биоэнергетики, а также возведение АЭС (до 63 ГВт в 2032 г.)³⁵.

В рамках мероприятий по созданию устойчивой жизненной среды человека правительство Индии намерено построить порядка 100 «умных городов» (смарт-сити), которые обеспечат повышение качества жизни в изменяющихся климатических условиях. Намечены планы по переработке твердых отходов в рамках замкнутой экономики, очистки сточных вод. Особого внимания заслуживает программа «озеленения» Индии (Green India Mission), в которой предлагается расширение лесных массивов до 6 млн га³⁶.

Национальная политика Бразилии в области защиты климата начала формироваться в конце первого десятилетия XXI в. В 2009 г. парламент принял постановление о национальной политике в области защиты климата. В 2012 г. вступил в силу Закон о защите девственных лесов страны, и в 2015 г. Бразилия подписала Парижское соглашение. В 2016 г.

³³ Ibid.

³⁴ Renewables 2020. Global Status Report. 2020. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

³⁵ Green Growth and Sustainable Development in India // Towards the 2030 Development Agenda. 2015. URL: https://www.teriin.org/projects/green/pdf/National_SPM.pdf (accessed: 30.01.2020).

³⁶ India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

³⁰ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

³¹ Chinas Grüne Große Mauer // Telepolis. 16.01.2020. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Chinas-Gruene-Grosse-Mauer-4638653.html> (accessed: 27.01.2020).

³² India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

была принята национальная стратегия по стабилизации климата, согласно которой намеченные правительством мероприятия приведут к сокращению выбросов CO₂ примерно на 16 % к 2030 г.³⁷ Для этого планируется повышение доли возобновляемых источников энергии до 45 % к 2030 г., увеличение энергоэффективности производства и транспорта, внедрение «чистых» технологий в промышленность, рост производства и потребления биотоплива, а также расширение площади лесных массивов на 12 млн га³⁸.

В этом направлении Бразилия демонстрировала колоссальные успехи вплоть до 2019 г. Так, во время правления президента Бразилии Л.И. Лула да Силвы (2003—2011 гг.) вырубка лесов сократилась с ежегодных 30 тыс. кв. км до 5 тыс. кв. км³⁹. Доля возобновляемой энергетики в рамках национального производства выросла с 2,2 % (2003 г.) до 12,1 % (2019 г.). Производство солнечной электроэнергии увеличилось в стране более чем в 10 раз, ветровой — в 65 раз⁴⁰.

Однако существуют опасения, что прогрессивные достижения Бразилии в борьбе с изменением климата полностью нивелируются политикой правого президента Ж. Болсонару. Прошедшие годы (2019—2020 гг.) показали, что экологические задачи не являются приоритетными для проводимой президентом внутренней политики страны.

ЮАР занимает первое место в Африке по показателям выбросов углерода в атмосферу. В 2018 г. уровень эмиссии составил в абсолютных показателях 477 млн тонн CO₂, увеличившись на 165 млн тонн по сравнению с 1990 г.⁴¹

Согласно национальной стратегии ЮАР берет на себя обязательство контролировать выбросы CO₂ в период 2025—2030 гг. в границах 398—614 млн т⁴². Широкий диапазон плановых показателей указывает на существование различных сценариев экономического развития страны. Так же как и другие страны БРИКС, ЮАР делает упор на развитие «зеленой экономики» в достижении климатических целей. Особенно значительный потенциал страна демонстрирует в области возобновляемой электроэнергетики, занимая третье место в мире по количеству поступающей солнечной энергии на единицу территории [Schubert 2019: 19] и обладая впечатляющим потенциалом для производства ветровой энергии.

Однако по темпам развития альтернативной энергетики ЮАР заметно уступает Китаю, Индии и Бразилии. Проблема заключается в том, что часть населения ЮАР (15 %) вообще не имеет доступа к электричеству [Schubert 2019: 81]. Более 43 % населения страны относится к «энергетически» бедному, лишь отчасти способному оплачивать тарифы на электроэнергию, что негативно влияет на инвестиции в альтернативные источники [Schubert 2019: 84]. При том что доля возобновляемой энергетики в общей структуре производства электроэнергии составляла в 2019 г. всего 3,1 %, в 1996—2018 гг. ее производство выросло с 60 млн кВт/ч до 6,4 млрд кВт/ч⁴³. По планам правительства доля ВИЭ возрастет к 2030 г. до 9 %⁴⁴.

Климатическая политика России начала формироваться в начале 1990-х гг., что предопределило создание в 2009 г. Климатической доктрины Российской Федерации, согласно

³⁷ Intended Nationally Determined Contribution towards achieving the Objective of the United Nations Framework Convention on Climate Change // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Brazil%20First/BRAZIL%20INDC%20english%20FINAL.pdf> (accessed: 02.02.2020).

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

⁴¹ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg:

Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

⁴² NDC Registry UNO // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/pages/All.aspx> (accessed: 29.01.2020).

⁴³ Renewable Energy in South Africa // Department Mineral Resources and Energy Republic of South Africa. URL: http://www.energy.gov.za/files/renewables_frame.html (accessed: 22.07.2020).

⁴⁴ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

которой Россия обязуется осуществлять комплексную климатическую политику, принимать меры по адаптации к изменению климата, смягчать антропогенные воздействия на климат, укреплять международное сотрудничество в этой сфере, а также сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 25 % по сравнению с объемом выбросов 1990 г.⁴⁵

В докладе 2018 г. о выполнении доктрины отмечается, что выполнено 30 из 65 мероприятий Комплексного плана (46 %), остальные 35 (54 %) находятся в процессе выполнения либо по ним не наступил срок реализации⁴⁶.

По сравнению с другими странами БРИКС внутренняя климатическая политика России характеризуется чрезмерной «сдержанностью» в проведении «зеленых» преобразований и осуществлением лишь робких шагов в направлении экологической модернизации. Так, в Российской Федерации планируется довести долю альтернативных источников энергии до 4,5 % к 2024 г., стимулируется дальнейшее развитие атомной энергетики как климатически нейтральной. При этом одна из огромных проблем — зависимость экономической и социальной жизни от добычи и экспорта топливных ресурсов, поскольку топливно-энергетический комплекс является «фундаментом» российской экономики (порядка 60 % ее товарного экспорта)⁴⁷.

Таким образом, в России преобладает «антиклиматический» политический дискурс, ставящий под сомнение сам феномен глобального изменения климата или его антропогенную природу. В этой связи дальнейший

упор в экономическом развитии на «грязные» технологии и «конечные» ресурсы (уголь, нефть и газ) грозит стране технологическим отставанием от передовых стран и потерей конкурентоспособности ее экономики.

Не менее важно и значительное сокращение российской доли в глобальных выбросах CO₂ ввиду уже ощущаемых негативных последствий изменения климата. Засухи, пожары, наводнения наносят огромный финансовый урон как отдельным регионам России, так и в целом ее экономике, приводят к социальной и политической дестабилизации страны. Следует ожидать, что периодичность данных явлений (лесные пожары, засухи, наводнения и проч.), вызванных глобальным изменением климата, будет возрастать⁴⁸.

Заключение

Страны БРИКС — «ключевые» игроки международной климатической дипломатии, выступающие с 2011 г. с единой позицией на международных переговорах в рамках Конвенции по изменению климата (17-я Конференция Сторон) [Jahrmarkt 2016: 235]. Эта позиция озвучена в Декларации III Саммита стран БРИКС как «общая, но дифференцированная ответственность» стран мира в борьбе с глобальным потеплением.

Участники группировки настаивают на своем праве дальнейшего экономического роста, устранения внутренних социальных проблем, повышения благосостояния населения. Их климатические доктрины и национальные цели отличаются от аналогичных в развитых государствах мира. Кроме того, среди стран группировки имеются существенные различия в степени оценки угрозы глобального изменения климата и необходимости экологической модернизации (декарбонизации) экономик государств, что отражается в структуре деклараций саммитов БРИКС.

⁴⁵ Климатическая доктрина Российской Федерации // Президент России. 17.12.2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 16.06.2020).

⁴⁶ Доклад о ходе выполнения в 2018 г. комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г. // Министерство природных ресурсов РФ. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_vypolnenii_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny/doklad_o_khode_vypolneniya_v_2018_godu_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny_rossii/ (дата обращения: 18.01.2020).

⁴⁷ Товарная структура экспорта РФ // Росстат. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/ (дата обращения: 09.02.2020).

⁴⁸ Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2019. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 22.01.2020).

Большинство государств-участниц планирует увеличение выбросов парниковых газов до 2030 г. с одновременным проведением широких мероприятий по экологической модернизации их хозяйств. В энергетическом секторе доля солнечной, ветровой и водной электроэнергии (малые ГЭС) в ЮАР, Бразилии, Китае и Индии в 2030 г. достигнет, согласно национальным программам, соответственно 9⁴⁹, 23⁵⁰, 35 % [Gebauer 2017: 381] и 40 %⁵¹. Одновременно страны группировки быстрыми темпами проводят модернизацию городской и транспортной инфраструктуры,

повышая энерго- и ресурсоэффективность производства и увеличивая долю «чистых» технологий. Сотрудничество в этой области между государствами будет и в дальнейшем углубляться.

Россия на сегодняшний день отстает по скорости экологической модернизации от других стран БРИКС, поскольку, к сожалению, доминирует негативный нарратив в отношении климатических преобразований. Новые «чистые» технологии, изменяющиеся модели производства и потребления рассматриваются в России как большая угроза для национального хозяйства, чем глобальное изменение климата.

Признание важности политических мер по противодействию глобальному изменению климата, создание условий в стране для перехода к климатически нейтральным технологиям не только способствовали бы борьбе с глобальным изменением климата, но и стали бы мощным стимулом для модернизации экономики России, повышения ее конкурентоспособности и инновационности.

⁴⁹ Renewable Energy in South Africa // Department Mineral Resources and Energy Republic of South Africa. URL: http://www.energy.gov.za/files/renewables_frame.html (accessed: 22.07.2020).

⁵⁰ Intended Nationally Determined Contribution towards achieving the Objective of the United Nations Framework Convention on Climate Change // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Brazil%20First/BRAZIL%20INDC%20english%20FINAL.pdf> (accessed: 02.02.2020).

⁵¹ India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

Поступила в редакцию / Received: 18.08.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Библиографический список

- Ковалев Ю.Ю. «Зеленая экономика» и экологическая модернизация хозяйства КНР // На пути к Китайскому миру: коллективная монография / под ред. Н.А. Слуки. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. С. 145—159.
- Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Немного хороших новостей для глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 7—33. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01
- Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 1. С. 125—134.
- Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113
- Попова И.М. Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 925—941. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941
- Русакова Ю.А. Проблемы международной экологической безопасности и поиск дипломатических путей их преодоления на современном этапе (на примере современных переговоров по климату): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО МИД России, 2016.
- Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367
- Сафонкина Е.А. Председательство Индии в БРИКС в 2016 г. // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 15—20.

- Brütsch C., Papa M. Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 299—327. DOI: 10.1093/cjip/pot009
- Downie C., Williams M. After the Paris Agreement: What Role for the BRICS in Global Climate Governance? // *Global Policy*. 2018. Vol. 9. Iss. 3. P. 398—407. DOI:10.1111/1758-5899.12550
- Gebauer S. China und andere Schwellenländer // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 377—397.
- Gladun E., Ahsan D. BRICS Countries' Political and Legal Participation in the Global Climate Agenda // *BRICS Law Journal*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 8—42. DOI: 10.21684/2412-2343-2016-3-3-8-42
- Gupta J. *The History of Global Climate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139629072
- Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017.
- Hein W., Betz J., Eucker D., Hein J., Holstenkamp L., Neve B. Klimapolitik und Entwicklung // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 397—441.
- Jahrmarkt L. *Internationales Klimaschutzrecht: Der Weg Zu Einem Weltklimavertrag Im Sinne Gemeinsamer, Aber Differenzierter Verantwortlichkeit*. Baden-Baden: Nomos, 2016.
- Leal-Arcas R. The BRICS and Climate Change // *International Affairs Forum*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 22—26. DOI: 10.1080/23258020.2013.824246
- Otto D. Entstehung und Ausdifferenzierung des UN-Klimaregimes // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 260—301.
- Reimer N. *Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie*. München: Oekom Verlag, 2015.
- Schubert T. *Eine analytische Betrachtung der Klimapolitik in Südafrika: Instrumente zur Förderung des Ausbaus erneuerbarer Energien*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 2019.
- Stahl B. *Internationale Politik verstehen*. Opladen & Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2020.
- Su B., Heshmati A., Geng Y., Yu X. A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation // *Journal of Cleaner Production*. 2013. Vol. 42. P. 215—227. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.11.020

References

- Brütsch, C., & Papa, M. (2013). Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, 6(3), 299—327. DOI: 10.1093/cjip/pot009
- Downie, C., & Williams, M. (2018). After the Paris Agreement: What Role for the BRICS in Global Climate Governance? *Global Policy*, 9(3), 398—407. DOI:10.1111/1758-5899.12550
- Gebauer, S. (2017). China und andere Schwellenländer. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 377—397). (In German).
- Gladun, E., & Ahsan, D. (2016). BRICS Countries' Political and Legal Participation in the Global Climate Agenda. *BRICS Law Journal*, 3(3), 8—42. DOI: 10.21684/2412-2343-2016-3-3-8-42
- Gupta, J. (2014). *The History of Global Climate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139629072
- Hein, W., Betz, J., Eucker, D., Hein, J., Holstenkamp, L., & Neve, B. (2017). Klimapolitik und Entwicklung. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 397—441). (In German).
- Jahrmarkt, L. (2016). *Internationales Klimaschutzrecht: Der Weg Zu Einem Weltklimavertrag Im Sinne Gemeinsamer, Aber Differenzierter Verantwortlichkeit*. Baden-Baden: Nomos. (In German).
- Kovalev, Yu.Yu. (2018). “Green Economy” and the Ecological Modernization of China's Economy. In N.A. Sluka (Eds.), *On the way to Pax Sinica*. Moscow: Izdatel'stvo MGU im. M.V. Lomonosova publ. (pp. 145—159). (In Russian).
- Larionova, M.V. (2015). South Africa's BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15(1), 125—134. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2016). Russian BRICS Presidency: Models of Engagement with International Institutions. *International Organisations Research Journal*, 11(2), 113—139. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113
- Larionova, M.V. (2018). The G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 7—33. (In Russian). DOI: 10.17323 / 1996-7845-2018-01-01
- Leal-Arcas, R. (2013). The BRICS and Climate Change. *International Affairs Forum*, 4(1), 22—26. DOI: 10.1080/23258020.2013.824246

- Otto, D. (2017). Entstehung und Ausdifferenzierung des UN-Klimaregimes. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 260—301). (In German).
- Popova, I.M. (2018). Brazil's 2019 BRICS Presidency: What to Expect from the Start of a New Decade of Cooperation and the J. Bolsonaro's Administration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(4), 925—941. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941
- Reimer, N. (2015). *Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie*. München: Oecom Verlag. (In German).
- Rusakova, Y.A. (2016). *Problems of International Environmental Security and Search for Diplomatic Ways to Overcome Them at the Present Stage (Case of Contemporary Negotiations on Climate)* [thesis]. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2017). India's 2016 BRICS Presidency. *Asia and Africa Today*, (7), 15—20. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: Expanding Cooperation Horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 356—367. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-36
- Schubert, T. (2019). *Eine analytische Betrachtung der Klimapolitik in Südafrika: Instrumente zur Förderung des Ausbaus erneuerbarer Energien*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag. (In German).
- Simonis, G. (Eds.). (2017). *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB. (In German).
- Stahl, B. (2020). *Internationale Politik verstehen*. Opladen & Toronto: Verlag Barbara Budrich. (In German).
- Su, B., Heshmati, A., Geng, Y., & Yu, X. (2013). A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation. *Journal of Cleaner Production*, (42), 215—227. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.11.020

Сведения об авторах: Ковалев Юрий Юрьевич — кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: yukowaljaw@gmail.com).

Поршнева Ольга Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: porshneva@yandex.ru).

About the authors: Kovalev Yuri Yurievich — PhD in Geographical Sciences, Associate Professor, Chair of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: yukowaljaw@gmail.com).

Porshneva Olga Sergeevna — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Head, Department of Theory and History of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: porshneva@yandex.ru).